

УДК 07.00.09

РОГОЗИН Алексей Алексеевич,
Аспирант, кафедра истории России, факультет,
гуманитарных и социальных наук, Российский
университет Дружбы Народов, Москва, Россия,
e-mail: moroz366@yandex.ru

ROGOZIN Alexey Alexeyevich,
Postgraduate Student, Chair of Russian History,
Department of Humanities and Social Studies, Russian
Peoples Friendship University, Moscow, Russia
e-mail: moroz366@yandex.ru

**СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ И
РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ
ЭВОЛЮЦИИ ИМАГЕМ «СВОИ»-«ЧУЖИЕ»
ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ: НА
ПРИМЕРЕ ВОСПРИЯТИЯ РОССИЙСКОГО
СТУДЕНЧЕСТВА В ГЕРМАНИИ**

**CONTEMPORARY FOREIGN AND RUSSIAN
HISTORICAL STUDIES OBSERVING
EVOLUTION OF AN IMAGEM OPPOSITION
"FRIEND-OR-FOE" OCCURRED BEFORE THE
1st WORLD WAR: CITING AN INSTANCE OF
RUSSIAN STUDENTS PERCEIVED BY
GERMAN SOCIETY**

В статье исследуется формирование образа России как «врага» в кайзеровской Германии в преддверии Первой мировой войны. Автор, основываясь на исследованиях как российских, так и зарубежных ученых, указывает на многообразии причин, вызвавших в германском обществе и правительственных кругах открытую неприязнь к Российской империи и ее народу. Проведенный анализ зарубежной литературы позволил установить ее сходство с отечественными исследованиями. Вместе с тем следует отметить значительную проработанность темы зарубежными историками, в первую очередь немецкими.

The paper explored the way an inimical image of Russia had been established in the German Empire at the threshold of the First World War. Referring to the studies of both Russian and foreign researchers the author indicated a variety of factors having triggered hostility in German society and the Government circles towards the Russian Empire and the «enemy» nationals. A review of foreign publications made it possible to recognize similarities to the Russian studies they bore. At the same time it should be specially noted that the foreign historians have carried out the thorough scrutiny of issue, primarily the German ones.

Ключевые слова: академическая мобильность, научные связи, высшие учебные заведения, Россия, Германия, XIX–XX вв., образование, студенчество, имагология, образ «врага».

Keywords: academic mobility, scholar ties and communication, graduate schools, Russia, Germany, XIX and XX centuries, education, students, image-make research, image of the enemy.

«Свой» и «Чужой» – извечная дихотомия этих понятий во все времена детерминировала отношения между разными человеческими общностями. Согласно Ю.С. Степанову, «принцип "Свои" – "Чужие"... отличает "свой народ" от "не своего", "другого", "чужого"» [1, с. 126]. Имагема «Чужие», проявляющаяся в мирное время в виде наделения «не своих» безобидными, на первый взгляд, клише, в военное время благодаря народной молве, не без помощи со стороны государства, очень быстро трансформируется в настоящий «образ врага».

Сегодня, спустя сто лет с начала Первой мировой войны, в преддверии которой в Германской империи развернулась широкомасштабная кампания по демонизации приезжего русскоязычного населения в частности, и вообще России в целом, мы вновь имеем возможность наблюдать разрушительное действие этого механизма, причем в непосредственной близости от нас – на Украине.

Именно поэтому объективный, с учетом всех аспектов, анализ аналогичных процессов начала XX в. поможет адекватно реагировать на вызовы современности и прогнозировать будущее.

Кроме того, изучение опыта исследования механизмов формирования национальных имагем в российской и немецкой исторических школах будет способствовать приращению знаний в области исторической имагологии.

Прежде всего, стоит упомянуть тот факт, что проблема российского студенчества в Германии на рубеже XIX–XX вв. рассматривается не только в немецкой историографии. Существует определенное количество исследований на английском, французском, итальянском языках, в которых освещаются многие аспекты проблемы, не рассмотренные немецкими учеными.

Поэтому мы считаем необходимым обратиться к исследованиям известного американского историка Роберта Вильямса, утверждавшего, что «в последнее десятилетие перед началом Первой мировой войны все возрастающая русофобия была важным элементом общественной мысли в Германской империи. Немцы начали войну на востоке с чувством, что они выступают защитниками западной цивилизации от восточных варваров, от анахронизма. Даже образованные люди, читавшие Толстого, Достоевского, Гоголя и Тургенева, видели в России экзотичный, но опасный фантастический мир» [2, с. 254].

Одной из важнейших причин возникновения такого страха перед Россией была массовая миграция политических беженцев из России в Германию, приобретающая массовый размах после 1900 г. Молодежь, как правило, ехала по двум причинам: получить профессиональное

образование, не всегда и не всем доступное в России, или продолжить политическую деятельность, запрещенную дома.

Йоханнес Баур, автор монографии «Российская колония в Мюнхене» указывал на тот факт, что «в течение 90-х годов XIX в. в Германии началась радикализация и политическая социал-демократизация российских студенческих общин. Новый студенческий тип, сформировавшийся в изгнании в Германии, принес с собой новое понимание политики, находившееся вблизи от анархистских и марксистских идей (в терминологии немецкой полиции – нигилистических). Все это вызывало противодействие со стороны властей и недоверие со стороны общественности» [3, с. 29].

«К началу XX столетия, – утверждал известный немецкий исследователь проблемы российскоподданого студенчества в Германии Хартмут Рюдигер Петер, – студенты из России воспринимались властями и общественностью Германии преимущественно как "анархисты" и "революционеры". Хотя они и прослушивали между прочим пару лекций, однако, по большей части, проводили свое время за изучением партийных программ и с самого начала были готовы при первой же возможности вернуться в Россию» [4, с. 429].

Естественно, это вызывало серьезные подозрения со стороны немецких властей. Подозрения усугублялись непрерывными скандалами, связанными с деятельностью российских студентов и студенческих организаций, в том числе и подпольных, как в самой Германии, так и в, казалось бы, далекой России. Так, Х.Р. Петер писал: «Широкий отклик в прессе вызвали, например, убийство российского министра просвещения Боголепова берлинским студентом Карповичем в феврале 1901 г. На Кенигсбергском процессе 1904 г. утверждалось, что студенты причастны к контрабанде революционной литературы. Дискуссии об этом занимали даже германский рейхстаг. В Йене присутствие студентов из России на трибуне для гостей партийного съезда СДПГ в сентябре 1905 г. и их аплодисменты после речи Августа Бебеля послужили поводом для политических подозрений» [5, с. 430]. Вне всякого сомнения, подобные происшествия вызывали широкий резонанс в германском обществе, убеждая большинство его представителей в нежелательности нахождения российских студентов в пределах Германии, и даже более того, в прямой опасности такого соседства.

Поэтому неудивительно, что, как утверждала Труде Маурер, «неприязнь к российским студентам выражалась нередко в протестах немецких студентов. Самый известный случай, получивший наибольший общественный резонанс, – знаменитая забастовка в Галле в 1912/13 учебном году. Тогда 13 немецких студентов выступили против привилегированного, по их мнению, положения российских студентов, выразившегося, прежде всего, в упрощенных вступительных испытаниях» [6, с. 221].

К слову, упрощенные вступительные испытания для иностранцев в германских вузах того времени нередко становились поводом для критики со стороны соотечественников, что, вкупе со все увеличивавшимся потоком иностранных студентов и неизбежными скандалами, связанными с их пребыванием в Германии, приводило к постоянным попыткам ужесточить условия приема иностранных студентов в немецкие университеты.

Так, «после русской революции 1905 г., когда поток российских студентов значительно вырос, начались разговоры о необходимости ужесточения въездного контроля для иностранцев. Министерство образования Германии рекомендовало университетам быть осторожными при приеме студентов еврейской национальности из России. В Гёттингене в 1907 г. было принято постановление, согласно которому российские студенты были вынуждены при поступлении в университет в дополнение к аттестату предъявлять специальный сертификат от российской полиции, свидетельствующий об отсутствии политической ангажированности, и доказательство того, что они способны проживать в Гёттингене в течение всего периода обучения. Подобные ограничения вводились и во многих других университетах» [7, с. 252–253], – утверждала Т. Маурер.

Как писала Клауди Вайль, известный французский историк, посвятившая некоторые свои труды вышеозначенной теме, льготные условия при поступлении в университеты стали причиной возникновения так называемой «проблемы иностранцев» (*Ausländerfrage*). Она заключалась в том, что в начале XX в. германские студенты начинают выражать недовольство по поводу засилья русских. «В Брауншвейге в 1905, в Йене в 1906 и в Галле в 1912 причина такого недовольства заключалась в том, что русские студенты зачислялись в германские университеты без экзаменов, занимали там места, которые могли бы занять немецкие студенты, вдобавок вели себя нагло и нецивилизованно. Выступления немецких студентов этими городами не ограничивались, что послужило в дальнейшем причиной ограничительных мер, принятых против русских студентов» [8, с. 350].

Об открытых противостояниях (в большей степени среди студентов медицинских факультетов) между российскими и немецкими студентами писал и Б. Брахман, отмечая, что они

не обходились без рукоприкладства, хотя излюбленным оружием защиты своих интересов у немецкой стороны были, как утверждал исследователь, «демонстрации и митинги, а также письма в администрацию своих университетов» [9, с. 101–105].

Вследствие подобных общественных потрясений отношения между российскими и немецкими студентами складывались не самым лучшим образом. К. Вайль в своих работах отмечала, что в основном «российские студенты не заводили дружественных контактов со студентами-немцами. Более того, они формировали собственные сообщества, кружки преимущественно по национальному признаку» [10, с. 349].

«Приехавшие в Германию студенты из Российской империи делились на четыре группы, не имевшие, – по утверждению Йоханнеса Баура, – между собой практически никаких контактов» [11, с. 27]. Это были поляки, к которым настороженно относилась немецкая общественность; евреи, за которыми полиция серьезно наблюдала и которые являлись носителями радикальных идей; собственно русские, ведшие изолированный образ жизни и практически не связывавшиеся в проблемы; прибалты с немецкими корнями, которые замечательно интегрировались в немецкие студенческие круги.

В данном исследовании мы обратим внимание, прежде всего, на две группы: евреев и студентов из Прибалтики, поскольку именно они наиболее активно способствовали созданию образа русского варвара, приехавшего в Европу расшатывать основы государственности и права. И если евреи личным примером являли собой образ страшных диких русских революционеров, то балтийские немцы всячески способствовали поддержанию этого образа путем обнародования откровенной дезинформации.

Роберт Вильямс считал их «двумя важнейшими группами мигрантов. Обе группы имели тесные связи с Германией в области культуры, языка, семей и обе же были в острой оппозиции к российскому правительству. Их представители часто выступали как интерпретаторы России, формируя преимущественно негативное общественное мнение Германии о России» [12, с. 255].

Россия всегда была для Запада чем-то загадочным, таинственным, нетронутым. Именно этот недостаток информации о России и подтолкнул эмигрантов к созданию образа варварской, жестокой России, угрожающей всему цивилизованному миру.

Роберт Вильямс писал, что «для русских евреев Германия стала важным местом эмиграции в основном вследствие большого количества университетов и высших технических школ, поступить в которые иностранцам было не так уж сложно. Изгнанные из России, они находили немецкую культуру знакомой и подходящей. Большинство осело в городах Пруссии и Саксонии, где нашло работу на фабриках и заводах. Студенты-евреи также были в наибольшем количестве представлены в этих двух провинциях. Вскоре они основали свои клубы, кружки, читальни сионистского и социалистического толка» [13, с. 265].

Но, хотя евреи и имели некоторые возможности для интеграции в немецкое общество, «на самом деле, – по утверждению Ш. Волкова, известного израильского историка, - дискриминация никуда не делась. Мало того, что студенты сталкивались с недоверчивым к себе отношением, так и после завершения университета им было чрезвычайно трудно найти свое место в германской науке. В итоге, им приходилось отыскивать ниши, не занятые немцами или студентами других национальностей. Так получилось, что больше всего евреев было на факультетах химии, физики и медицины» [14, с. 7].

Другой исследователь так называемой «восточноеврейской проблемы», Стивен Е. Ашхайм указывал на тот факт, что «даже среди своего, казалось бы, народа евреи из Восточной Европы считались удивительно отсталыми. При этом немецкие евреи считали, что отсталость их восточноевропейских собратьев угрожала их собственной интеграции в немецкое общество. Евреи, проживающие в Германии и только вырвавшиеся из статуса отсталых чужаков, проживающих в гетто, опасались «заразиться» от приезжавших из России и стран Восточной Европы соплеменников. После 1880 г. евреи хлынули сплошным потоком в Германию, что вызвало рост антисемитских настроений. Немецкие газеты пестрили статьями о низкой духовности евреев с востока, о грязи и бедности, в которых они живут» [15, с. 70–71].

Роберт Вильямс приводит следующие данные: «Число так называемых Восточных Евреев с 1900 по 1910 год выросло с 41 000 до 70 000, что вызывало определенные подозрения как среди нееврейского, так и среди еврейского населения Германии» [16, с. 265].

Но, вне всякого сомнения, еще большие подозрения вызывала заинтересованность новоприбывших в участии в жизни как немецкой, так и российской социал-демократии. Примерно половина из общего числа студентов из России, обучавшихся в германских университетах, была евреями. Их способность маневрировать между социал-демократией Германии и РСДРП выделяла их из прочей толпы социал-демократов и делала их в высшей степени полезными союзниками как для одних, так и для других.

Не меньшее влияние на формирование в немецком обществе негативного отношения к Российской империи и всем приезжим из нее оказали балтийские немцы.

«Они издавна отправлялись получать образование в Германии, а потому рассматривали учебу в немецких школах и университетах как старую добрую традицию» [17, с. 20], – писала Т. Хайдборн.

«Служившие долгое время российской короне, балтийские немцы, в большинстве своем, оставались лояльными ей до 1917 года. Но на рубеже XIX и XX вв. стали видны признаки нарастающего недовольства среди прибалтийского дворянства, которое начало искать пути эмиграции в Германию» [18, с. 268], – утверждал Роберт Вильямс.

Причиной такого недовольства послужили великие реформы Александра II, политика русификации, проводимая в школах и университетах Прибалтики по указу Александра III, начало индустриализации страны. Все это привело к серьезным изменениям в северо-западных областях Российской империи. Роберт Вильямс писал: «Новый класс образованных мужчин и женщин сократил зависимость государства от услуг балтийских немцев. Русификация затронула не только латвийцев и эстонцев, но и немецкое дворянство этого региона. А российское правительство при всем этом не только не поддержало балтийских немцев в приспособлении к этим изменениям, но и вызвало озлобленность местных на свою политику. В итоге к 1905 году сложилось четкое мнение: «Лучше быть мертвым, чем славянином» [19, с. 268].

Но, приехав в Германию, балтийские немцы столкнулись с тем, что местное население считало их русскими. Вышло так, что они были чужаками и в Российской империи, и в Германской. Т. Хайдборн писала: «Поскольку для германских властей страна происхождения являлась решающим критерием для приписки абитуриентов к университетам, балтийские немцы рассматривались как русские и никоим образом от них не отличались. Они получали образование в царских школах и предоставляли аттестаты из них же» [20, с. 21–22].

Этот факт породил среди выходцев из Прибалтики неистовое желание откреститься от своего русского прошлого. По утверждению Роберта Вильямса, «это желание нашло выражение в трудах Виктора Хена и Теодора Шимана, изображавших Россию деспотичным сумасбродным государством, в котором чистота, порядок и организованность Прибалтики и Южной России (сегодняшняя Украина) чрезвычайно сильно контрастировали с грязью, неорганизованностью и омерзительностью славян (русских), населявших центральные районы. Русские в их работах представляли как примитивные и недалекие люди, кочевники, необразованные, нецивилизованные, невероятно религиозные варвары» [21, с. 268–270].

Следует отметить, что не все были согласны с подобными оценками. Герман Кейсерлинг и подобные ему историки противостояли ненавистникам, но их голос по мере приближения войны звучал все тише.

Русофобские же басни были тепло восприняты многими германскими политиками, приложившими все усилия для их трансляции широким народным массам. Достаточно указать на тот факт, что согласно исследованию Тины Хайдборн, Теодору Шиману покровительствовал сам кайзер Вильгельм II, благодаря которому обычный прибалтийский историк превратился в короткий срок с 1902 г., когда он был назначен рядовым преподавателем на кафедру философии в Берлинском университете, по 1906 г. в заведующего кафедрой русистики в Берлинском университете [22, с. 265].

Поэтому неудивителен тот факт, что русская революция 1905 г. вызвала бурные обсуждения в Германии. Впервые опасения стали вызывать масштабы российской миграции. Немцы были встревожены тем, что пожар революции может охватить не только правительство Николая II, но и перекинуться на Германию.

Роберт Вильямс писал, что «после революции 1905 года германское правительство стало делать все возможное, чтобы убедить своих сограждан в реальности угрозы со стороны России, для чего в прессе была развернута мощная кампания, обличавшая засилье евреев из России в германских университетах. Для многих немцев слова русский, радикальный и восточный еврей стали одним целым после 1905 года» [23, с. 274].

Такая политика привела к тому, что в 1914 г. большинство немцев разделяли опасения правительства по поводу русской угрозы. Политическая русофобия стала важным фактором в объяснении необходимости поддержки войны.

В отечественной историографии, хотя и достаточно немногочисленной, также затронута проблема опорочивания российских эмигрантов в кайзеровской Германии в преддверии Первой мировой войны. Российские исследователи оказались во многом солидарны со своими германскими коллегами в том, что взаимоотношения русских и немцев на рубеже XIX–XX вв. складывались довольно непросто.

Я.Н. Шапов указал на тот факт, что «увеличивавшийся наплыв молодежи из России для получения образования в Германии пугал местные университетские власти. В России в начале

века некоторые отрасли промышленности, например электротехническая, в большей степени принадлежали немецкому капиталу. Поэтому подготовка русских специалистов, которые по возвращении на родину могли бы создавать конкуренцию этому капиталу, вызвала протест. Руководству университетов не нравились и социалистические настроения русских студентов» [24, с. 199].

Сложные отношения складывались, в том числе, между самими студентами. Германские студенты воспринимали русских как варваров, которые не умели и не хотели вести себя должным образом. При этом немецкое студенчество было недовольно большой численностью российскоподданных студентов, а также предоставленными им академическими льготами при поступлении» [25, с. 352], – утверждал А.Е. Иванов.

Естественно, не обошли своим вниманием отечественные историки и усилия прессы по дискредитации образа студента из России. По утверждению Я.Н. Щапова, немецкая буржуазно-националистическая пресса направляла общественное мнение против российских студентов-социалистов. Историк приводит характерный для тех лет пример, имевший место в Дрездене в 1907 г. «В местной газете была опубликована статья, в которой русские студенты Дрезденского политехникума обвинялись в социал-демократической агитации. На самом же деле, вся агитация заключалась в том, что двое из русских студентов позволили себе аплодировать Августу Бебелю, когда он в Дрездене читал публичный доклад. Были случаи, когда русские студенты высылались за пределы Саксонии только за то, что посещали местные социал-демократические собрания, а, как утверждала местная полиция, "социал-демократов у нас своих довольно". Буржуазная пресса пользовалась и антисемитскими настроениями некоторых слоев общества, восстанавливая студентов против учащихся евреев, приезжающих из России» [26, с. 201].

Отражен в работах российских исследователей и такой момент, как создание антирусских настроений самими эмигрантами. Борис Соколов в своем исследовании указал на тот факт, что эмигранты из прибалтийских губерний Российской империи создавали и непрерывно подогревали эти настроения.

«Так, остзеец Виктор Хен писал в дневнике, изданном в 1892 году: "Казачи придут на своих лошадях с плетками и все затопчут. У них нет никаких потребностей, они мастера разрушений, ведь у них нет сердца, и они бесчувственны. И вместо убитых сотен тысяч придут другие сотни тысяч, ведь они как саранча. И опять грядет решающая битва при Халене, об исходе которой никто не знает. Все это уже было. Монголы, пришедшие из глубины Востока, застряли в Силезии, славяне запросто могут остановиться лишь у Атлантического океана. Пока их уничтожает только алкоголь, который в данных обстоятельствах может стать благодетельным для человечества» [27, с. 36-37].

Сильны были антирусские настроения, по утверждению Бориса Соколова, и в среде германской социал-демократии. «Наиболее авторитетный вождь немецкой социал-демократии Август Бебель уже в эпоху Германской империи заявил: «Если дело дойдет до войны с Россией, я сам возьму в руки винтовку!» [28, с. 39].

Н.В. Павлов в своем исследовании указал на «общее охлаждение отношений между Российской и Германской империями, начавшееся после интронизации Вильгельма II 15 июня 1888 г. и отставки Отто фон Бисмарка 20 марта 1890 г.» [29, с. 453], и без того ускорившее идущий полным ходом процесс демонизации России.

На основании вышесказанного можно сделать совершенно очевидный вывод. Отечественные и зарубежные ученые сходятся в том, что российская эмиграция сыграла огромную роль в дискредитации образа России, ее населения и эмигрантов в обществе и правящих кругах Германии. Слова и действия российской молодежи в Германской империи перед войной оставляли огромное впечатление не только о них самих, но и обо всей стране их происхождения.

Даже не являясь этническими русскими, евреи сами были примером страшных, грубых, омерзительных славян, ехавших в Европу вершить свои грязные политические дела. А балтийские немцы, пытаясь откреститься от своего русского прошлого, выставляли и российское государство, и его население жестокими варварами, чуждыми европейских ценностей. Что касается германских властей, то они с энтузиазмом восприняли подобные деструктивные устремления значительной части российской эмиграции и транслировали их на всю империю.

Таким образом, в предвоенной Германии образы «Своего» и «Чужого» получили совершенно новое значение, полное скрытого смысла. «Свои» оказались оплотом европейской цивилизации, призванным защитить ее от варварского нашествия с Востока. «Чужие» же начали свое превращение в полноценного «врага», страшного и беспощадного, который только и жаждал уничтожения Германской империи и всей просвещенной Европы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. – М., 2004. – 992 с.
2. Williams Robert C. Russians in Germany: 1900-1914/ 1914: The coming of the First World War. – New York, 1966. – P. 254–282.
3. Baur J. Die russische Kolonie in München 1900-1945: deutsch-russische Beziehungen im 20. Jahrhundert – Wiesbaden, 1998. – 367 S.
4. Петер Х.Р. Так называемые русские: Изменение типа самосознания российских студентов в Германии после революции 1905 г. // Cahiers du monde russe – Paris, 2007. – Vol. 48, № 2/3. – С. 427–440.
5. Maurer T. «Der historische Zug der Deutsch-Russen nach Göttingen» oder: Auslese und Abschreckung: Die Zulassung zarischer Untertanen an einer preußischen Universität. In: Zeitschrift für Ostforschung. – Marburg, 2004. – Jg. 53, H. 2. – S. 219–256.
6. Weill Claudie. Convivialité et sociabilité des étudiants russes en Allemagne : 1900–1914. In: Cahiers du monde russe et soviétique. – Paris, 1991. - Vol. 32 N°3. – S. 349–367.
7. Brachmann B. Russische Sozialdemokraten in Berlin 1895–1914. Mit Berücksichtigung der Studentenbewegung in Preußen und Sachsen. – Berlin, 1962. – 216 S.
8. Weill Claudie. Указ. соч. – S. 349–367.
9. Baur J. Указ. соч. – 367 S.
10. Williams Robert C. Указ. соч. – P. 254–282.
11. Volkov Shulamit. Juden als wissenschaftliche “Mandarine” im Kaiserreich und in der Weimarer Republik. In: Archiv für Sozialgeschichte. – Bonn, 1997. – Bd. 37. – S. 1–18.
12. Aschheim Steven E. Spiegelbild, Projektion, Zerrbild: “Ostjuden” in der jüdischen Kultur in Deutschland. In: Osteuropa. – Stuttgart, 2008, - Jg. 58, H. 8–10. – S. 67–81.
13. Williams Robert C. Указ. соч. – P. 254–282.
14. Heidborn T. Russländische Studierende an der Berliner Friedrich-Wilhelms-Universität und der Technischen Hochschule Berlin 1880-1914. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde. – Bonn, 2009. – 538 S.
15. Williams Robert C. Указ. соч. – P. 254–282.
16. Ibid. – P. 254–282.
17. Heidborn T. Указ. соч. – 538 S.
18. Williams Robert C. Указ. соч. – P. 254–282.
19. Heidborn T. Указ. соч. – 538 S.
20. Williams Robert C. Указ. соч. – P. 254–282.
21. Щапов Я.Н. Русские студенты в западноевропейской высшей школе в начале XX века // Исторические записки. – 1987. – № 115. – С. 193–204.
22. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. – М., 1999. – 414 с.
23. Щапов Я.Н. Указ. соч. – С. 193–204.
24. Цит. по Соколов Б. Германская империя: от Бисмарка до Гитлера. – М., 2003. – 480 с.
25. Цит. по Соколов Б. Указ. соч. – 480 С.
26. Павлов Н.В. Современная Германия: Учеб. пособие по страноведению. – М., 2005. – 567 с.

REFERENCES

1. Stepanov YU.S., Constants. Dictionary of Russian culture: the 3-d ed., corr. and extra. Moscow. 2004. p.992. (in Russ.).
2. Williams Robert C. Russians in Germany: 1900-1914. 1914: The coming of the First World War. New York, 1966. pp. 254–282.
3. Baur J. Die russische Kolonie in München 1900–1945: deutsch-russische Beziehungen im 20. Jahrhundert .Wiesbaden, 1998. p. 367.
4. Peter H.R. So-called Russians: Izmneniia type of self-consciousness of Russian students in Germany after the revolution of 1905, Cahiers du monde russe Paris, 2007. – Vol. 48, no. 2.3. pp. 427–440. (in Russ.).
5. Maurer T. «Der historische Zug der Deutsch-Russen nach Göttingen» oder: und Auslese Abschreckung: Die Zulassung zarischer Untertanen an einer preußischen Universität. In: Zeitschrift für Ostforschung. Marburg, 2004. Jg. 53, H. 2. pp. 219–256.
6. Claudie Weill. Convivialité et sociabilité des étudiants russes en Allemagne : 1900–1914. In: Cahiers du monde russe et soviétique. Paris, 1991. Vol. 32 .no3. pp. 349–367.
7. Brachmann B. Russische Sozialdemokraten in Berlin 1895–1914. Mit Berücksichtigung der Studentenbewegung in Preußen und Sachsen. Berlin, 1962. pp. 216 S.
8. Claudie Weill. Convivialité et sociabilité des étudiants russes en Allemagne : 1900-1914. In: Cahiers du monde russe et soviétique. Paris, 1991. Vol. 32 no.3. pp. 349–367.
9. Baur J. Die russische Kolonie in München 1900-1945: deutsch-russische Beziehungen im 20. Jahrhundert. Wiesbaden, 1998. p. 367.
10. Williams Robert C. Russians in Germany: 1900-1914. In: 1914: The coming of the First World War. New York, 1966. pp. 254–282.
11. Shulamit Volkov. Juden als wissenschaftliche “Mandarine” im Kaiserreich und in der Weimarer Republik. In: Archiv für Sozialgeschichte. Bonn, 1997. Bd. 37. pp. 1–18.

12. Aschheim, Steven E. Spiegelbild, Projektion, Zerrbild: "Ostjuden" in der jüdischen Kultur in Deutschland. In: Osteuropa. *Stuttgart*, 2008, Jg. 58, H. 8–10. pp. 67–81.
13. Williams Robert C. Russians in Germany: 1900–1914. In: 1914: The coming of the First World War. *New York*, 1966. pp. 254–282.
14. Heidborn T. Russländische Studierende der Berliner Friedrich-Wilhelms-Universität und der Technischen Hochschule Berlin 1880–1914. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde. *Bonn*, 2009. pp. 538.
15. Williams Robert C. Russians in Germany: 1900-1914. In: 1914: The coming of the First World War. *New York*, 1966. pp. 254–282.
16. Ibid. pp. 254–282.
17. Heidborn T. Russländische Studierende der Berliner Friedrich-Wilhelms-Universität und der Technischen Hochschule Berlin 1880–1914. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde. *Bonn*, 2009. p. 538.
18. Williams Robert C. Russians in Germany: 1900-1914. In: 1914: The coming of the First World War. *New York*, 1966. pp. 254–282.
19. Heidborn T. Russländische Studierende der Berliner Friedrich-Wilhelms-Universität und der Technischen Hochschule Berlin 1880–1914. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde. *Bonn*. 2009. p. 538.
20. Williams Robert C. Russians in Germany: 1900-1914. In: 1914: The coming of the First World War. *New York*. 1966. pp. 254–282.
21. Shchapov Y.N. Russian students at Western high school in the early XX century [Russkie studenty v zapadnoevropeyskoy vysshey shkole v nachale XX veka] .*Historical note*. 1987. no. 115. pp. 193–204. (in Russ.).
22. Ivanov A.E. Students of Russia in the late XIX – early XX century. Socio-historical destiny. [Studenchestvo Rossii kontsa XIX - nachala XX veka. Sotsialno-istoricheskaya sudba] *Moscow* .1999. p. 414. (in Russ.).
23. Shchapov Y.N. Russian students at Western high school in the early XX century.[ ] *Historical note*. 1987. no. 115. pp. 193–204. (in Russ.).
24. CIT. according to Sokolov B. German Empire: from Bismarck to Hitler. [Germanskaya imperiya: ot Bismarka do Gitlera]. *Moscow* . 2003. p. 480 . (in Russ.).
25. CIT. according to Sokolov B. German Empire: from Bismarck to Hitler. [Germanskaya imperiya: ot Bismarka do Gitlera] *Moscow* . 2003. p.480 C. (in Russ.).
26. Pavlov N.V. Present Modern Germany: Textbook. guide to geography. [Sovremennaya Germaniya] *Moscow*. 2005. p. 567. (in Russ.).